

РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ

КОЛЛЕКЦИЯ ПОЭЗИИ И ПРОЗЫ

ИСТОРИЧЕСКАЯ
КНИГА

Лев Мадорский

Лекарство от ностальгии

Эмигрантские
рассказики

Санкт - Петербург А Л Е Т Е Й Я 2 0 1 1

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М 130

Мадорский Л.

М 130 Лекарство от ностальгии. (Эмигрантские рассказы). – СПб.: Алетейя, 2011. – 268 с. – (Русское зарубежье. Коллекция поэзии и прозы).

ISBN 978-5-91419-571-4

Это «рассказики» о жизни русскоязычной Германии. Большинство из них были опубликованы в русскоязычных еженедельниках, выходящих в Германии, США, Австралии, Израиле. Это определило, как их размеры, так и, подчас, актуальный, приуроченный к моменту, характер. Есть и сюжеты, связанные с личными впечатлениями, т. е. сюжеты расположены не в хронологическом порядке, а так, как они были написаны. Почти всегда в рассказиках присутствует, с одной стороны, реальная основа, а, с другой, художественный вымысел. Поэтому фамилии героев, а также города, в которых они проживают, как правило, изменены.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-91419-571-4

9

© Л. Мадорский, 2011

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2011

Предисловие

«Я живу в городе Берлинске. Это небольшой русский город со стотысячным населением, своими газетами и клубами, знаменитостями и чудаками...», — так отвечает мой приятель на расспросы московских друзей о его германской жизни.

Русскоязычная инфраструктура носит в Германии не только бытовой характер (магазины, рестораны, врачи, парикмахеры), но и культурный (литераторы, музыканты, философы, историки). Среди бытописателей этого мира нельзя не выделить Льва Мадорского с его эмиграционными «рассказиками».

Ну, подумайте: едет себе человек на урок игры на кейборде (есть такая электронная штукавина, которая всё больше вытесняет старое доброе фортепиано), и у него то и дело ломается машина. А его ждёт ученик — старый мясник, который всю неделю режет свиней и делает колбасу, а один день в неделю играет с учителем на кейборде своими огромными, сильными ручищами. Иногда собирается вся его семья — дети, внуки. Все рассаживаются и дедушка даёт концерт, на котором учитель обязательно присутствует. Он почти член семьи. Рассказ называется: «Жить, вообще-то, можно».

Вереница людей проходит перед нами в «рассказиках» Мадорского. Коммивояжер, всучивающий семье ненужный ей электронный прибор, юнец, вообразивший себя нацистом, пьяный новый русский, жующий денежные купюры, старик, потерявший собаку. В этой веренице — учителя, чиновники, художники, садоводы, и, конечно же, эмигранты — вчерашние москвичи, краснодарцы, одеситы, осваивающие для себя новую германскую действительность. Это своего рода театр, где люди смеются, грустят, надеются.

«Рассказики» Мадорского хорошо бы читать со сцены. Может и найдётся актёр, который захочет и сумеет их прочесть, донести этот мир не только для читателя, но и до зрителя. Донести удивительную авторскую интонацию — доброты, чистоты и мудрого отношения к жизни.

Михаил Румер

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ЭМИГРАНТСКИЕ РАССКАЗКИ

Стенька Разин у стен Рейхстага

В Германии редко встретишь по-настоящему длинную очередь. Мне повезло. Я встретил. В центре Берлина. У Бранденбургских ворот. Очередь в Рейхстаг. В февральский, субботний, по-весеннему тёплый день. Впрочем, это была совсем не та изнурительная, безнадежно-молчаливая очередь, к которой мы привыкли в России. Напротив. Берлинцы радовались теплу, солнцу, свободному дню. Очередь была отдыхающая, весёлая, праздная. Даже праздничная. Постепенно, шаг за шагом, метр за метром она начала жить своей, собственной жизнью. Дети, оказавшиеся рядом, затевали игру. Иногда вспыхивал огонёк разговора. Лёгкий, чуть мерцающий, готовый каждую секунду погаснуть.

– Нет, я бы никогда не поехал на велорикше, – сказал высокий мужчина в чёрном пальто, стоящий впереди меня. – Есть в этом что-то от феодального прошлого. Унижающее человека. – Речь шла об экзотическом виде передвижения, сравнительно недавно появившемся в Берлине.

– Глупости, – возразила жена, тоже высокая и тоже вся в чёрном, – ты же ему не на шею садишься. Конечно, если девушки будут этим заниматься, тогда другое дело.

Направление разговора несколько изменил полный, молодой человек в ветровке, с огромным портфелем. Похожий на совкового командировочного:

– Велосипед – средство передвижения не прошлого, а будущего. Не только потому, что даёт физическую нагрузку, а, главным образом, потому что экологически чистый. – Разговор перешёл на зелёных. На политику. – Пройдёт немного времени, – продолжил командировочный, – и зелёные станут самой значительной политической силой. Остальные партии просто отомрут, как ненужные.

Я тоже хотел поучаствовать в разговоре и подыскивал слова, собираясь поддержать командировочного. Но в этот момент что-то произошло. Я перестал слышать, о чём он говорит. Я выпал из разговора. Из очереди. Откуда-то спереди, с места, которое было

скрыто от нас, доносилось пение. Приятный, хрипловатый голос пел задушевную, знакомо-забытую песню. Слов не было слышно. Но как красиво звучал голос. И мелодия... Кристально-чистая, за сердце берущая. Голос умолк и мелодию бережно подхватила домра. Тонкий ручеёк звучал, виляя серебряной струйкой, звенел. То нарастая, то загухая. Песня захватила и понесла. Как загнипозитизированный, пошёл я на звуки музыки и вспомнил знакомые с детства слова: «Степь, да степь кругом, путь далёк лежит. В той степи глухой замерзал ямщик». Слова песни, на которую откликается душа русского человека. Которая могла зародиться только на бескрайних, тоскливых, российских просторах. И больше нигде. Странно, но песня эта, нежно-домровая мелодия её здесь у стен Рейхстага не звучала диссонансом. Необъяснимым образом вписывалась она в звуковую картину большого, столичного города в центре Европы.

Я пробился сквозь плотную очередь и увидел певца. Необычно. Сидевшего прямо на ступеньках Рейхстага. Это был старик лет семидесяти, с хорошим славянским лицом, небольшого роста, одетый в добротную, кожаную куртку. И что удивительно. За седые, густые волосы певца зацепилась лихо сдвинутая на бок солдатская пилотка со звёздочкой времён Отечественной войны. «Зачем пилотка? – подумал я – Это символ? Солдат – победитель вернулся в другом качестве. Или имидж певца для привлечения публики?» Старик кончил петь. Раздались аплодисменты. Которые редко звучат в уличных концертах и, как правило, являются знаком признания мастерства исполнителя. Находящиеся поблизости стали бросать мелочь в открытый футляр домры. Но старик не был похож на нищего. Он держался с достоинством артиста. Я подошёл ближе:

– Добрый день. Хорошо поёте.

– Добрый. Спасибо. – Старик приветливо кивнул, перебирая струны. Но по отстранённому взгляду, по нетерпеливому подёргиванию головы заметно было, что он не расположен к разговору и хочет спеть ещё. Я не ошибся. Постепенно из лёгких аккордов, из замысловатых арпеджио, из минорных наигрываний (старик виртуозно владел инструментом) возникла другая замечательная мелодия.

Признаюсь честно. Прожив много лет в России, никогда не был особым поклонником русской песни. Я понимал, что она красива. Иногда поразительно красива. Но, даже в самом лучшем исполнении, русская песня не вызывала раньше у меня того подъёма,

того сладостного чувства, какое вызывает сегодня. Когда живу на новой родине. Так было и в тот субботний день. Старик играл, закрыв глаза. Тихая, задумчиво-протяжная мелодия возникла из ничего. Может из российского, немерянного, северного безлюдья. Постепенно, медленно она набирала силу. И тогда к домре присоединился голос. Сначала такой же нежно-задушевный, потом более мощный, уверенный. «Из за острова на стрежень. На простор речной волны. Выплывают расписные Стеньки Разина челны». Я погрузился в песню. Ушёл в неё целиком. Не слыша голосов вокруг. Шума проезжающих машин. Не замечая времени.

– Не пропустите очередь. Или Вы раздумали? – Ко мне обращался мужчина в длинном пальто. Я стал подниматься по ступеням Рейхстага.

Четвёртый в Париже

Согласно опросам, 25% немцев в восточных землях и 23% в западных недовольны присутствием в Германии иностранцев. Другими словами, каждого четвёртого немца иностранцы раздражают. Каждый четвёртый предпочитает, чтобы они жили где-нибудь подальше. Кто этот Четвёртый? Где найти его?

– Чудак. Выйди на улицу и сосчитай до четырёх – посоветовал приятель. Я попробовал. Не везло. Четвёртым оказывался то «турецко-подданный», то угольно-чёрный уроженец Берега Слоновой Кости, то наш соотечественник. Таинственного Четвёртого встретить не удавалось. А так хотелось узнать, чем он недоволен? Что именно его в нас раздражает? Может, мы, иностранцы, поработали бы над собой, исправили недостатки и всё было бы путём.

«А, может, – фантазировал я, – события будут развиваться совсем по-другому.

В последнее время Четвёртый (назовём его Шмидт) чувствовал себя плохо. Стал он нервным, раздражительным, пропал аппетит. Тело покрылось сыпью. Обратился к врачам – просвечивали, выстукивали, мерили давление. Бесплезно. Никто не понимал в чём дело. Только один опытный, пожилой доктор, наконец, поставил диагноз:

– Аллергия на иностранцев. Общайтесь только с немцами.

– Но это невозможно. Я работаю в отеле. Администратором. У нас сплошные иностранцы. – Придётся сменить работу. Ничего не